

глубокий знаток истории Урала, он сумел передать любовь к отечественной истории, к родному краю десяткам поколений студентов. Под его руководством был выполнен ряд фундаментальных исследований по истории Урала, им подготовлено свыше 20 кандидатов наук. И в настоящее время его ученики работают в самых различных научных и образовательных центрах России и, конечно же, в Уральском университете. Не только те, кто принял его эстафету в области близких ему научных интересов, но и те, кому посчастливилось работать вместе с В.В. Адамовым на кафедре, также считают себя его учениками. Для кафедры имя В.В. Адамова почитаемо во все времена. Здесь всегда помнят о его безупречной репутации, об атмосфере порядочности, непоказной интеллигентности, окружавшей его как человека не только широких знаний, но и тонкой отзывчивой души.

В.В. Адамов

УРАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)*

Великая Отечественная война 1941-1945 годов была самой тяжелой и кровопролитной из войн в истории нашей Родины. Германский фашизм - ударная сила международного империализма - начал войну с целью уничтожения Советского государства, социалистического строя и закабаления народов Советского Союза. Война не могла поэтому ограничиться столкновением вооруженных сил. Она оказалась противоборством двух противоположных систем - капитализма и социализма.

В годы Великой Отечественной войны Советский народ был полон решимости сделать все, что было нужно для победы.

Свой особый вклад в дело Победы внесли и советская высшая школа и, как ее подразделение, Уральский (тогда Свердловский) университет. В трудных и сложных условиях вузы продолжали выполнять свое прямое назначение -- готовили кадры высокой квалификации, вели научно-исследовательскую работу, оказывая одновременно непосредственную помощь фронту и тылу.

Трудным, но поистине героическим временем были годы Великой

Отечественной войны, пережитые нашим университетом вместе со всем советским народом.

В памяти военного поколения преподавателей и студентов особенно запечатлелись дни перехода от мира к войне. Военная перестройка деятельности университета осуществлялась в соответствии с указаниями ЦК КПСС, областного и городского комитетов под руководством университетской партийной организации.

В первые, особенно напряженные, дни войны в партийном бюро университета было установлено круглосуточное дежурство. Коммунисты и комсомольский актив держали постоянную связь с бюро, сразу докладывая о выполненных поручениях и получая новые задания.

На первом заседании партийного бюро был произведен общий смотр расстановки партийных сил и намечены как необходимые немедленные перемещения, так и перемещения, каких может потребовать обстановка в будущем. Усилен был состав агитаторов и пропагандистов с целью проведения систематических, а если потребует обстановка, то и ежедневных, бесед и информации в группах, общежитиях и других подразделениях университета.

В тот же день 23 июня состоялся общеуниверситетский митинг. Он был открыт сообщением ректора Н.П. Попова о задачах университета в связи с фашистской агрессией. Много было выступавших.¹ Говорили горячо и взволнованно об одном: ненависти и презрении к германскому фашизму, вероломно напавшему на нашу страну, и о готовности сделать все для победы. Вот что писал через много лет об этом митинге Е.Г. Шуляковский, тогда декан исторического факультета и председатель местного комитета университета: "Со взволнованными и страстными речами выступали студенты и преподаватели. Многие из них заявили о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. С таким заявлением на митинге выступил и я"².

Во всей атмосфере, царившей в коллективе, как единодушно отмечают все, кто помнит те дни, несмотря на естественную тревогу, чувствовалась собранность, внутренняя подтянутость и суровость.

Характеризуя настроения в коллективе, партийное собрание университета констатировало в своем решении от 9 июля 1941 года: "Люди идут в армию с громадным подъемом патриотических чувств, заверяя в том, что они по одной капле отдадут свою кровь за любимую Родину"³.

Слова и обещания, дававшиеся на митингах и собраниях, не разошлись с делами. Коллектив университета гордится тем вкладом, какой он внес в усилия народа в борьбе за победу.

Значительное число студентов, преподавателей и служащих университета добровольно и в общем порядке были призваны в армию и с оружием в руках защищали Родину.

Студенты старших курсов, а также все преподаватели имевшие ученые степени, были освобождены от военной службы или, как тогда говорили, были «забронированы». Однако многие из «бронированных» добивались призыва их в армию в добровольном порядке. Первую группу добровольцев университет проводил уже в конце июня 1941 года в составе 5 человек. Всего же за 1941 год в добровольном порядке ушло на фронт 25 студентов, преподавателей и сотрудников ⁴.

В июле-сентябре 1941 года призыв в армию приобрел особенно массовый характер. Ушел на фронт ректор университета Н.П. ПОПОВ, проректора по учебно-научной и административно-хозяйственной части Н.И. ШАТАГИН и А.А. СТЕНИН, декан историко-филологического факультета Е.Г. ШУЛЯКОВСКИЙ, его помощник И.А. ДЕРГАЧЕВ, почти полный состав кафедры основ марксизма-ленинизма во главе с ее заведующим А.А. КОВАЛЕВЫМ, декан химического факультета Е.И. КРОГЛОВ, преподаватели, ассистенты и аспиранты Б.Ф. ПОДУЧЕВ, В.Д. УСОВ, Г.М. ВОСКОБОЙНИКОВ (физико-математический факультет), Л.Н. ГОЛДЫРЕВ, А.И. НОВИКОВ (химический факультет) и многие другие. 51 студент старших курсов физико-математического и химического факультетов и аспирантов общественных кафедр были переведены на учебу в академию им. Н.Е. ЖУКОВСКОГО, химической защиты и военно-политическую академию. В первый год войны в действующей армии служило более 80-ти студентов и преподавателей института, позднее факультета журналистики. В их числе были И.Г. НОВОЖИЛОВ, Б.С. КОГАН, Е.И. ЯКОВЛЕВА, П.В. ЯБЛОНСКИХ и др.

Вместе с мужчинами тяжелый солдатский труд делили девушки-фронтовички: зенитчица И.А. ЯКУШЕВА (химический факультет), медсестра, затем переводчик О.Е. ВАЙНЕР (исторический факультет), медсестра, позднее комсорг отдельного батальона А.Г. СЕЛЕЗНЕВА, медсестры Д.Н. КНЯЗЕВА, З. ТУТЫНИНА и др. Много девушек — студенток факультета журналистики — служило в армейских и дивизионных газетах, в том числе Я. МАРКУЛАН (в настоящее время доктор искусствоведческих наук), И. ШАПИЛО (последние годы — сотрудник комитета по делам радио и телевидения в г. Калининграде). Всего за годы войны из университета было призвано в армию около 300 человек ⁵.

Воспитанники университета с честью выполняли свой воинский

долг. Они защищали Москву и Ленинград, сражались у стен Сталинграда, под Курском и Харьковом, участвовали в форсировании Днепра, Ясско-Кишиневской операции, освобождали Ригу, Будапешт, Вену и брали Берлин.

Н.И.ШАТАГИН бывший лектором Главного Политического управления и по долгу службы посещавший многие участки фронта, в своем письме комсомольцам исторического факультета вспоминал, что куда бы он ни приезжал, везде встречал кого-нибудь из студентов или преподавателей университета. В войсках 40-й армии 2-го Украинского фронта судьба свела его с Александром Алексеевичем КОВАЛЕВЫМ - лектором политотдела армии, под Веной — с медсестрой Ией КОКОРИНОЙ, студенткой истфака, добровольно вступившей в армию⁶, с бывшим секретарем партийного бюро университета медсестрой Г.Ф.АНЦИФЕРОВОЙ и другими.

Многие журналисты-фронтовики поддерживали связь с многотиражной газетой университета, присылали в редакцию корреспонденции, дневниковые записи и зарисовки⁷. Газета публиковала письма командиров частей, в которых служили воспитанники университета и их сослуживцев. Номер «Сталинца» от 23 февраля 1942 года в значительной своей части состоял из материалов, поступивших с фронта. Здесь были, в частности, опубликованы выдержки из фронтового дневника Б.ПОДОКСЕНОВА, воевавшего на Западном фронте.

В многотиражной газете университета был опубликован ряд писем в университет и университетскую партийную организацию от командиров частей, в которых служили питомцы университета. Из письма капитана ВЛАДИМИРОВА и лейтенантов МУРАТОВА и КУРИЦОВА коллектив узнал о подвиге воспитанника факультета журналистики В.Е.АНТОНОВА.

На третий день ожесточенных боев под Будапештом к позиции минометчиков, которыми командовал В.Е.АНТОНОВ, приблизился немецкий «тигр». Расчет противотанкового ружья был выведен из строя, да и само это оружие было бессильно против тяжелого танка. С двумя гранатами лейтенант АНТОНОВ бросился навстречу грозной машине. Танк был выведен из строя, но изрешеченный очередью немецкого пулемета и осколками своих же гранат, погиб и В.Е.АНТОНОВ⁸.

Теплый отзыв о службе И.КОКОРИНОЙ прислал в парторганизацию университета заместитель командира по политической части, в которой находилась Ия, капитан АГАФОНОВ. Он писал, что

И. КОКОРИНА не только прекрасная медицинская сестра, но и отличный политгрупповод, организатор самодеятельности. Капитан благодарил университет «за воспитание замечательной советской молодежи, способной не только одолевать твердыни науки, но и самоотверженно сражаться с врагом»⁹.

Через много лет после войны в связи с розыском сведений о бывших студентах-фронтовиках, комсомольцы истфака получили материал о Герое Советского Союза Иване Васильевиче КОРОЛЬКОВЕ. Вот что он рассказал корреспонденту газеты «За Коммунистическое воспитание»: «Война началась, когда сдавали экзамены за второй курс исторического факультета Уральского университета. Военкомат отказал: мы очки внушали опасения. Но в декабре 1942 года я все-таки стал курсантом военного училища. Никогда не забыть конец сентября 1943 года. В эти дни полк получил задание - форсировать Днепр ниже города Чернигова. Началась переправа...

Наша лодка была уже на середине реки, когда в нее попал снаряд. Мы, ни минуты не задумываясь, бросились в воду к берегу. Уступы крутого берега прикрыли нас. Но приближался рассвет, и я сказал ребятам: «Днем будет труднее». На зорьке наша семерка с громовым «Ура» бросилась к немецким окопам. В рукопашной схватке мы отбили 30 метров окопов, пулеметы, боеприпасы. Неожиданность и дерзость нашего броска отвлекли внимание большого соединения немцев. Полк воспользовался замешательством фрицев, форсировал Днепр. Но бой не окончился. В рукопашной схватке, длившейся минут 20, я был ранен. Меня доставили в госпиталь. Вот и все. Я и не знал, что я Герой. Уже в госпитале сосед по палате стал читать Указ Президиума Верховного Совета СССР, где назвал мою фамилию.»¹⁰. После войны Иван Васильевич КОРОЛЬКОВ стал доктором исторических наук, профессором Смоленского университета.

Идут годы. Все более далекой становится история Великой Отечественной войны. Но до сих пор поступают новые материалы о ратных подвигах и службе питомцев университета. В феврале 1975 год: газета «На смену» опубликовала статью о студентке филологического факультета приема 1940 г. А. СЕЛЕЗНЕВОЙ. Ветераны университета помнят боевого комсорга, руководителя работы студентов на строительстве Алапаевского металлургического завода. Знают в университет, что Ася СЕЛЕЗНЕВА добровольцем пошла на фронт, два года была медсестрой, затем комсоргом отдельного батальона. Но может быть только самым близким было известно, что лейтенант СЕЛЕЗЕНЕВА, направляясь с донесением в штаб армии вместе с

сопровождавшим ее солдатом с редкой фамилией и именем — Красный Октябрь, в заброшенных землянках натолкнулись на группу немецких солдат в семь человек, сумели обезоружить их и доставить в штаб. В этой стычке только случай спас Асе жизнь ¹¹.

Советский Союз понес громадные потери в Отечественной войне. Среди павших в боях были и воспитанники университета. В скорбном списке погибших значатся имена добровольцев первых дней войны: павших в боях под Москвой студентов-историков В. ПЕТРОВА, В.ТЫЧКОВА, А. НАЗАРОВА, сраженного на Курской дуге талантливого молодого астронома В.Д. УСОВА и других, которые не вернулись с фронта к своим семьям и работе.

«Памятку» с войны в виде шрамов и более серьезных увечий от фашистских пуль и осколков мин, снарядов и бомб носят с собой почти все фронтовики.

Гордостью университета являются не только фронтовики, но и большой отряд медицинских сестер из 120 человек. Их подготовка в небольшом количестве велась уже накануне войны. В июле 1941 года по инициативе студенток историко-филологического и химического факультетов были созданы еженедельные курсы медицинских сестер. Партийная и комсомольская организации университета поддержали этот почин. Одной из первых на курсы записалась секретарь партийного бюро университета Г.Ф. АНЦИФЕРОВА.

Нормальный курс подготовки медсестер в мирное время длился два года, в военное — 6 месяцев. Студентки университета взяли на себя обязательство закончить курсы в срок вдвое меньший. Самоотверженные девушки решили продолжить учебу в университете заочно или экстерном.

Тяжело было девушкам. Занятия на курсах — днем, вечером лекции и семинары, а ночами нередко приходилось идти помогать в порядке практики разгружать эшелоны с ранеными. Но выдержали все.

Университет участвовал в оборудовании и обслуживании пяти госпиталей. Почти целиком «университетским» был состав медсестер эвакогоспиталя 17/06, развернутый в здании Горного института. Студентки-медсестры проявили большую заботу о раненых. Они сочетали в себе хорошую профессиональную подготовку с высокой культурой. Многие из сестер наряду с медицинской работой вели беседы на политические и общие темы, были участниками и организаторами самодеятельности.

Руководство госпиталей высоко ценило студенток-медсестер. Их

ставили на самые трудные посты: в палаты военно-ослепших и тяжело контуженных.

Зимой 1941 - 1942 года при штабе округа состоялась специальная конференция медсестер-студенток, которой руководил один из ведущих хирургов города профессор БОГДАНОВ.

Своим самоотверженным трудом и заботой особенно были известны О. ВАЙНЕР, В. ДЖАЛАЛОВА, В. СВЕТЛОВА, Д. КНЯЗЕВА, З. ТУТЫНИНА, Ж. РЯБУХИНА, А. РАХМАНОВА, З. ТРАПЕЗНИКОВА, А. ПЕЧАТАЛЬЩИКОВА, Т. ДРУГОВА и другие. Многие из них, как уже было отмечено, вступили в действующую армию. В. ЗАЙКОВА, В. ВАЙНЕР, Д. КНЯЗЕВА, З. ТУТЫНИНА, Ж. РЯБУХИНА и др. прослужили во фронтовых госпиталях до конца войны¹².

Многие из тех, кто лечился в госпиталях, поддерживали связь с сестрами и после выписки. В.А. ЕГОРЕНКОВ и В.М. БАБИЧ, лечившиеся в госпитале 17/06, где работала медсестрой В. ЗАЙКОВА, прислали ей письмо и свою фотографию с нехитрой, но трогательной стихотворной надписью:

Я карточку сестре свою
За ее заботу подарю.
Что много сил она своих
Истратила для нас больных.

Отряд медсестер госпиталя 17/06 поддерживал весь коллектив университета, который взял шефство над этим госпиталем. Выполнение шефских обязанностей университетом было одной из важных забот партийной и комсомольской организаций. Одним из наиболее активных и ответственных организаторов шефской работы была Н. ПОЛОЗКОВА (филологический факультет). Чуткая, отзывчивая и общительная, но вместе с тем волевая, А.А. ПОЛОЗКОВА была как будто создана для этой работы.

Из ограниченных ресурсов университета госпиталю было выделено некоторое количество мебели, сотрудники передавали цветы. В госпитале регулярно читались лекции, выступали бригады художественной самодеятельности, к ослепленным воинам прикреплялись чтецы. Студенты и преподаватели под диктовку раненых писали их родным и знакомым письма. К каждому из праздников комплектовались подарки почти исключительно за счет добровольных сборов среди сотрудников и студентов университета.

Почетен и благороден был труд медицинских сестер. Но не менее высокой оценки заслуживали и доноры. Не считая одноразового

донорства, систематически отдавали кровь солдатам 28 студенток и сотрудников университета¹³. Нельзя сосчитать, скольким бойцам они спасли жизнь. Если учесть те трудности, какие приходилось переносить советским людям в годы войны, сдачу крови вполне можно сравнить не только с трудом медсестер, но и с ратным подвигом.

У значительного числа преподавателей и сотрудников, призванных в армию, остались семьи. Забота о них была моральным долгом университета и важной формой помощи фронту.

9 июля 1941 года партийное собрание университета специально рассмотрело этот вопрос и в своем решении обязало комсомольский и профсоюзный комитеты разработать конкретный план работы с семьями фронтовиков, выявить их нужды и обеспечить необходимую помощь. Партийная организация позднее систематически возвращалась к этому вопросу, непосредственно помогая и координируя усилия комсомола и профсоюзов.

Руководство делом помощи семьям фронтовиков взяла на себя заместитель, а потом и секретарь партийного бюро А.П. САПОЖНИКОВА. Чуткая и отзывчивая всегда, но по природе мягкий человек, Александра Петровна проявила настойчивость и волю, помогая нуждающимся.

К 1943 году на учете в университете было 92 семьи фронтовиков. Материальные возможности университета были очень ограничены. Но и из тех небольших ресурсов, какие были, университет выделял семьям фронтовиков топливо, продовольствие и промтовары. По неполным данным, в течение 1943 года для семей фронтовиков было выделено 11 кубометров дров, 152 пары детской обуви, 151 пара детских чулок, 12 семьям была оказана единовременная помощь в сумме 3 тыс. руб. и 10 семьям помощь овощами. 37 семей были прикреплены к закрытым столовым и магазинам¹⁴.

Комсомолом был создан отряд, который можно было бы назвать тимуровским. Его члены помогали семьям фронтовиков в тяжелом домашнем труде: кололи дрова, носили воду и т.д.

К концу 1941 года в университет стали возвращаться студенты и преподаватели, демобилизованные после ранений. После фронта и кочевий по госпиталям, свыкнувшись с армейскими порядками, им нелегко было приспособиться к «гражданке» еще и потому, что все они, особенно на первых порах, болезненно переживали состояние своей физической неполноценности. Нужны были особые такт и чуткость в отношении к ним. Государство и университет материально обеспечивали фронтовиков. Главная проблема поэтому состояла в

гом, чтобы помочь им приспособиться к новым условиям и новому положению, втянуть в активную производственную и общественную жизнь, не дать замкнуться на своем, личном, и оставаться со своими переживаниями один на один. У фронтовиков в резерве были значительные возможности, использование которых могло быть полезным как самим фронтовикам, так и университету. Этот резерв складывался из жизненного и армейского опыта, навыков партийно-организационной и административной работы и т.п. Сама обстановка подсказывала формы отношений к фронтовикам. Проявляя заботу об их нуждах, партийная и общественные организации университета старались «загрузить» их полезной работой. Фронтовиков выдвигали в руководящие органы партийной, комсомольской и профсоюзной организаций, назначали руководителями бригад и отрядов, участвовавших в уборке урожая и строительстве, привлекали на различные административные посты и т.п. Фронтовики понимали и чувствовали, что делается это не в порядке «общественной терапии», но что они действительно могут принести университету значительную пользу. Абсолютное большинство фронтовиков переживало период адаптации без какого-либо серьезного психологического надлома. Многие годы затем они работали и работают до сих пор в университете и других учреждениях и предприятиях, выросли в видных научных, административных или общественно-политических работников (В. ПЛОТИЧКИН, М. ГОРОДЕНЦЕВ, А. МОИСЕЕВ, Ф. ДУНАЕВ, С. ДЗЮБКО и др.)

Коллектив преподавателей и студентов университета был активным участником таких форм народных движений в помощь фронту, как движение по сбору и отправке в армию теплых вещей, отчисление от заработков на военные займы, мобилизации средств на танковые колонны и т.п. Эти компании имели не только материальное, но и важнейшее морально-политическое значение. Они давали каждому возможность чем-то реально и непосредственно помочь сражающейся армии, а солдатам и офицерам помогали постоянно ощущать заботу и связь с ними всего народа. Поэтому цифры здесь мало что говорят, но все же и они достаточно показательны. В 1941 году кроме подписки на заем, которая составила 140 % к фонду зарплаты и стипендии, университетский коллектив отчислил однодневный заработок в фонд обороны и собрал около 500 штук теплых вещей на общую сумму в 75 тыс. руб., в 1942—1943 гг. на фронт и в госпитали было отправлено уже около 1000 единиц теплых вещей и скомплектовано около тысячи подарков для фронта и в госпиталях на сумму 73 тыс. руб. В дополнении к этому коллектив собрал в 1942 году 66965 руб.

на танковую колонну¹⁵. За вклад, внесенный коллективом университета в создание танковых колонн, университет получил благодарность от председателя ГКО И.В.СТАЛИНА. В 1944-1945 гг. такие формы помощи фронту, как отправка теплых вещей, продовольственных посылок и экстраординарных денежных сборов, в связи с общим улучшением положения дела в стране и укреплением тыла отходят на второй план. Первое место теперь стали занимать не комплектование и отсылка на фронт и в госпитали посылок, хотя и это продолжали делать, а коллективная и индивидуальная переписка с частями и отдельными солдатами и офицерами, которую вели студенты всех факультетов. Сохранили свое значение и подписки на заем, которые неизменно составляли 130-140 % к фонду заработной платы и стипендий¹⁶. По-прежнему все деньги, которые зарабатывались на сельскохозяйственных и иных работах, поступали в фонд обороны.

С первых и до последних дней войны университет оказывал большую трудовую помощь фронту и тылу. Привлечение населения к обеспечению нужд обороны было настолько важным делом, что оно не могло быть основанным только на добровольном начале. Указом Верховного Совета СССР в стране введена была всеобщая трудовая повинность. Она распространялась и на все учебные заведения. В соответствии с этим Указом отпуска и каникулы были отменены. С июля 1941 года подавляющая масса студентов и преподавателей принимала участие в строительстве оборонных предприятий, канала Чусовая — Исеть, в уборке урожая в колхозах и совхозах области, заготавливали торф, лес, сено, занимались расчисткой железнодорожных путей от снега и т.п. На этих и некоторых других видах работ только за время октября 1942 года до летних каникул 1942 года было отработано свыше 58 тыс. рабочих дней¹⁷. Если учесть, что общая численность студентов, преподавателей и служащих университета в среднем не превышала 700 — 750 человек, станет очевидно, что на каждого члена коллектива было отработано 2,5 — 3 месяца.

Первым крупным и важным оборонным заданием университета было участие его в строительстве Алапаевского станкостроительного завода. На эту ударную стройку выехало свыше 500 человек студентов и преподавателей¹⁸. Собирались дружно, ехали весело и работали с подъемом, хотя и было трудно из-за отсутствия навыка и привычки к физической работе, бытовой неустроенности, перебоев со снабжением и т.п. Вероятно, именно потому, что стройка в Алапаевске была первой из строек, на которой пришлось участвовать

И.В.СТАЛИН
ГКО

университету, она так хорошо запомнилась ветеранам. В рассказах о войне каждый из них обязательно вспомнит «алапаевские дни». Забылись мозоли и ссадины, набитые с непривычки. Но в памяти не могло стереться то чувство подъема, вдохновения и товарищества, какие царили на стройке. Запечатлелись и разные смешные истории, случавшиеся в Алапаевске, вроде «победоносной войны» филологов и историков под предводительством А. СЕЛЕЗНЕВОЙ с горнячками, незаконно поселившимися в школе, предназначенной для размещения студентов университета¹⁹.

В сентябре 1941 года все трудоспособные члены коллектива выехали на уборку урожая. В ноябре-начале декабря город получил срочное задание правительства возвести два цеха для размещения оборудования эвакуированного завода, производившего особо важную оборонную продукцию. Для строительства был установлен предельно сжатый срок — 15 дней. Строители, основную массу которых составляли студенты вузов и техникумов, взяли обязательство закончить стройку ранее намеченного срока. В этой ударной стройке принимали участие студенты университета. Занятия были прекращены на 3 дня. Стояла холодная и ветреная погода. Земля промерзла почти на метр. По всей площадке горели костры, которыми оттаивали грунт и обогревались. Ребята орудовали ломami, девушки на носилках и даже ведрами относили землю. «Рационализируя» труд, девушки привязывали к ручкам носилок проволоку, которую затем надевали на шею, освобождая таким образом от нагрузки руки.

Скудное питание, неприспособленная одежда и обувь усугубляли трудности. Но их старались не замечать. С фронтов поступали нерадостные вести о боях под Москвой, о блокированном Ленинграде и о бесчинствах фашистов на оккупированной территории. Все понимали, что страна переживает критические дни. И это действительно было так. Поэтому работали не жалея сил, с ожесточением. Каждый как бы говорил: все вынесем, все преодолеем, но выстоим и победим!

Правительственное задание по строительству цехов было выполнено вместо 15 за 12 дней²⁰. А на 16-й день из новых корпусов ушла на фронт первая оборонная продукция.

Окончание строительства совпало с первыми сводками Совинформбюро о победоносном наступлении Красной Армии под Москвой. Радости не было конца, каждый чувствовал, что в этой победе есть частица и его труда.

Но до окончательной победы было еще далеко. Хотя восстановление эвакуированных предприятий было в основном завершено, однако

военное хозяйство не было до конца отлажено, продолжая требовать огромного количества живого труда.

В 1942 году университет должен был направить основную часть своих сил на сельскохозяйственные работы в колхозы области, ограниченное собственное подсобное хозяйство, а также на заготовку дров для отопления учебных зданий и общежитий и на торфоразработки. Заготовка торфа имела не меньшее, если не большее значение, чем строительство оборонного завода в 1941 году. Торф - основной вид топлива для ряда электростанций, которые снабжали энергией оборонные заводы города и области. К середине июля выяснилось, что план заготовки торфа находится под угрозой срыва. Лето было сырым и дождливым. Сушка и укладка торфа в штабеля отставали от нарезки. На предупреждение возможного срыва было обращено особое внимание областных и городских партийных и советских органов. В связи с этим университет получил задание послать на торфяник всех трудоспособных, еще не занятых на работах.

Ректорат совместно с партийной, комсомольской и профсоюзной организациями провели большую работу по обеспечению контрольной цифры мобилизованных. Заново просмотрены были все вписки личного состава студентов и преподавателей с целью выяснения тех, кто по каким-либо причинам еще не был занят на работах, часть сил сняли с подсобного хозяйства и лесозаготовки. В конечном итоге было скомплектовано 12 бригад по 7-10 человек в каждой. Учитывая важность задания, тщательно подбирался состав бригадиров. Ими назначались наиболее ответственные и проверенные на общественной и производственной работе студенты и преподаватели: К.А. БАРХАТОВА, В. ЗЕМЛЯНИКИН, Е. ОКУНЕВА, М.А. ПАНИЮКОВА и др.

Об исключительной важности работы на торфянике писала секретарь партийного бюро университета Г.Ф. АНЦИФЕРОВА: «Лишние килограммы добытого торфа — это новые киловатты электроэнергии, новые плавки стали, новые сотни самолетов, орудий, снарядов»²¹.

Университетский отряд торфозаготовителей с честью справился с делом. В письме руководителя Лосинского торфопредприятия ректору говорилось, что «управление отмечает высокую производительность труда, прекрасное отношение к работе. Несмотря на ряд трудностей, они (т.е. преподаватели и студенты) хорошо справились с работой». В письме особо отмечалась работа бригады М.А. ПАНИУХОВОЙ (в составе БЛИНОВОЙ, БРОВЧЕНКО, ВЬЮХИНОЙ, ЖИДОВИЧ, КОРЕПАНОВОЙ, КОЗЮШКИНОЙ, ОДИНЦОВОЙ), выполнив-

шей сезонную норму на 138 %, и бригада В.ЗЕМЛЯНИКИНА, давшая 116,9 % нормы.

Трудовая помощь фронту и тылу не могла бы быть такой значительной, особенно в 1941-1942 гг., когда страна переживала наиболее тяжелый период, если бы в коллективе университета не было чувства готовности отдать все силы и сделать все возможное и даже невозможное для победы. Мобилизованными на трудовой фронт считали себя тогда буквально все. На работы выходили и те, что по состоянию здоровья, возрасту или положению имели юридическое и моральное право на освобождение.

Наряду со всеми участвовали во многих субботниках преподаватели Ф.Н. СУРИН и Н.Н. БОРТНИК, пользовавшиеся протезами. На уборку урожая выехал в 1941 году всеми уважаемый пожилой профессор А.А. ЯКОВКИН. Заготавливали лес и выезжали на сельскохозяйственные работы профессора Д.Д. ИВАНЕНКО и П.Г. КОНТОРОВИЧ.

Петр Григорьевич Конторович с присущим ему юмором любил рассказывать, как в 1941 году ему вместе с одним деревенским пареньком пришлось возить с поля картофель. Паренок был возчиком, профессор - грузчиком. Как-то по дороге между ними произошел такой разговор: "Сколько народа-то понаехало из города, — говорил парень. — Студентов много, говорят, есть и профессора. Интересно бы посмотреть на настоящего профессора. А ты-то видел хоть одного?" "Да, приходилось," — пряча улыбку, отвечал Петр Григорьевич. Парень, наверное, бы не поверил или был бы разочарован, узнав, что человек в старом ватнике, грязных и поношенных сапогах, не умевший запрягать и править лошадей и поэтому выполнявший обязанности подсобного рабочего — один из самых известных алгебраистов страны, «живой» профессор, какого ему так хотелось повидать, как некую диковинку. Позднее сельских жителей уже не удивляло присутствие в составе мобилизованных людей, имевших высокое звание и заслуги. С 1943 года, в связи с упрочением военной экономики, потребность в массовых трудовых мобилизациях несколько сократилась. Студенты и преподаватели университета привлекались на работу преимущественно только в летний период. Главными объектами приложения их труда были уборка урожая, собственное подсобное хозяйство, заготовка леса и торфа, причем преимущественно для собственных нужд университета.

Студенты и преподаватели охотно и с подъемом несли трудовую повинность. Были, конечно, случаи уклонения от трудовых

мобилизаций и недобросовестной работы. Но их было на редкость мало. Каждый из таких случаев был чрезвычайным происшествием, которое обязательно обсуждалось партийным бюро, комитетом комсомола или профсоюзными организациями. Отметить это важно потому, что трудовая повинность отнюдь не было легким делом. Работать приходилось днями и ночами, в зной и холод, не только без специальной одежды и обуви, а часто в одежде плохой и просто ветхой, при скудном и нерегулярном питании. В этих условиях выполнение заданий давалось ценой крайнего напряжения, а часто и перенапряжения физических и духовных сил и подрыва здоровья. Бывали и трагические случаи. Доцент физико-математического факультета, коммунист Н.М. ШАРАПОВ, страдая застарелой болезнью, добровольно поехал с бригадой косцов на отдаленный участок Нижне-Сергинского района. Там болезнь внезапно обострилась. Несколько дней он скрывал свое состояние от бригады и, преодолевая боли, продолжал работать. Из леса привезли его в тяжелом, почти бессознательном состоянии. Не перенес операцию, Николай Михайлович скончался.

Только не поколебленная ничем уверенность в конечной победе, высокое чувство гражданского и патриотического долга помогали университетскому коллективу, как и всему советскому народу, преодолевать все трудности и вынести все тяготы военного времени.

В 1941-1942 гг. по разным причинам общая численность вузов в стране сократилась по сравнению с довоенным на 409, а число студентов в 2,5 раза²². Эвакуированные вглубь страны Московский, Ленинградский, Киевский, Харьковский и Ростовский университеты готовили кадры в несравненно меньшем масштабе, чем до войны.

Вузы восточной зоны, в том числе и Уральский университет, не приостанавливали своей работы даже в самые критические месяцы 1941-1942 гг.

В Свердловском университете в 1941 — 1942 гг., можно сказать без преувеличения, собрался цвет советской науки. Среди заведующих кафедрами и профессоров университета встречаем имена академиков В.П. ВОЛГИНА и Н.М. ТИХОМИРОВА, членов-корреспондентов Академии Наук В.В. ГОЛУБЕВА и Я.И. ФРЕНКЕЛЯ, профессоров Ю.К. ЮРЬЕВА, Р.Я. ЛЕВИНУ, Д.Д. ВАНЕИКО, А.А. ВВЕДЕНСКОГО, А.И. НЕУСЫХИНА, В.Н. ЯРЦЕВУ, Л.Н. РОССМАНА, Н.К. ГУДЗИЯ и других. Трудно переоценить ту помощь, какую они оказывали университету в трудные годы войны. Колоссальный опыт, знания и авторитет, какими они обладали, не только обеспечивали исключительно высокий уровень преподавания, но и способствовали

поднятию научной работы на новый, качественно более высокий, уровень.

Таким образом, имея хотя и суженную материальную базу, университет имел возможность после окончания сельскохозяйственных работ возобновить занятия.

Условия учебы не были такими, как до войны. Естественные факультеты занимались в основном в здании по Ленина, 136. Лекции и практические занятия шли во всех лабораториях, кабинетах (аудиторий как таковых практически не было), а также в служебных помещениях, включая и кабинет ректора, а также в коридорах.

Для гуманитарных факультетов областные и городские организации обязали выделить помещения Юридический институт и школы N 5 и N 9.

Аудитории и классы представлялись университету в третью, а иногда в четвертую смены. Поэтому занятия начинались в 6-7 часов вечера и затягивались после полуночи. Помещения были слабо освещены, а в Юридическом институте еще и плохо отапливались. Там зимой сидели в шубах и шапках. Холодно было так, что порой мерзли чернила. Но посещаемость была относительно хорошей. Занятия пропускались почти исключительно по объективным, уважительным причинам. Всем хотелось хотя бы на лекциях отвлечься от тревог, невеселых мыслей и забот и почувствовать себя «как до войны» обыкновенным студентом, у которого одна цель — учеба. Грех было пропустить лекцию и занятия, какие вели такие специалисты академики В.П. ВОЛГИН, Н.М. ТИХОМИРОВ, В.В. ГОЛУБЕВ и другие. Все понимали, что другой возможности поучиться у них в жизни может и не представиться.

Была и еще одна причина, заставлявшая идти вечерами в университет. В общежитиях и на частных квартирах пользоваться электричеством можно было только с 23 часов 30 минут до 6 часов. Перспектива провести вечер в темноте мало кого прельщала. Поэтому здание университета до поздней ночи всегда было переполнено студентами и преподавателями.

Обстановка и условия войны вынудили в корне пересмотреть сроки обучения в университете и порядок прохождения учебного плана. Приказом народного комиссара просвещения от 1 июля 1941 года продолжительность обучения в университетах сокращалась на всех факультетах с пяти до трех — трех с половиной лет.

Несмотря на трудные условия ведения учебного процесса, бытовое устройство, недостатки снабжения и трудовые мобилизации на

строительство и уборку урожая, зимняя и весенняя сессии были завершены с показателями, которые свидетельствовали о том, что студенты занимались с полной отдачей сил. Из общего числа оценок, полученных в зимнюю сессию 1942 года, отличные и хорошие оценки составляли 73,7 %. Итоговые показатели зимней сессии по Уральскому университету не только не уступали, но даже кое в чем превосходили показатели Московского университета²³.

Положительные результаты были получены и в области научной работы, в том числе и по оборонной тематике. Под руководством профессоров Р.Я. ЛЕВИНОЙ, и Ю.К. ЮРЬЕВА были выполнены исследования методов повышения октанового числа авиационных бензинов второго Баку, изучены образцы трофейного авиатоплива и найден катализатор, повышающий выход пиридина, необходимого для изготовления такого, например, лекарственного препарата, как сульфидин.

Кафедра коллоидной химии под руководством профессоров С.В. КОРПАЧЕВА и С.Г. МАКРУШИНА работала над методами укрупнения гидроокиси алюминия и над новыми методами анализа алюминатных щелоков. С.В. КОРПАЧЕВ и ассистент П.Ф. ЛАДЫГИН в ноябре 1941 года собрали и передали на производство полярограф и предложили эффективный метод полярографического определения алюминия, меди и цинка в алюминатных растворах. Профессором С.П. МАКРУШИНЫМ и ассистентом З.Г. ШЕИНОЙ была создана смазка против запотевания очков противогазов.

Профессор А.А. ЯКОВКИН начал исследования, связанные с разработкой ряда приборов для аэронавигации и самолетовождения. Доцент Н.Ф. ОТПУЩЕННИКОВ предложил экспрессивный метод определения твердости сверл и других изделий из закаленного металла.

Общетеоретические исследования в области теории устойчивости, строения атомного ядра, теории множеств, имевшие выходы в практику, вели профессора И.Г. МАЛКИН, П.Г. КОНТОРОВИЧ, Д.Д. ИВАНЕНКО и А.А. СОКОЛОВ.

Важные теоретические и прикладные работы начаты были на гуманитарных факультетах. Философы, историки и литературоведы сосредотачивали свои усилия на борьбе против расистской фашистской идеологии. В противоборстве идей гитлеровская пропаганда, как известно, стремилась всемерно принизить и исказить историю и культуру народов СССР, и в первую очередь русского и других славянских народов. Разоблачение этой лживой пропаганды было

важнейшей патриотической и научной задачей.

Итоги работы в этой области были подведены на состоявшейся в январе 1942 года научной конференции, посвященной разоблачению идеологии и политики германского фашизма. На конференции заслушаны были доклады профессора С.З. КАЦЕНБОГЕНА «Человеконенавистническая идеология германского фашизма», члена-корреспондента АН СССР В.В. ГОЛУБЕВА «Развал физико-математических наук в фашистской Германии», профессора А.А. ВВЕДЕНСКОГО «Фашистская фальсификация истории народов СССР» и др.

Преподаватели гуманитарных факультетов уделяли много внимания и военно-патриотической пропаганде на предприятиях и в военных частях: в 1941-1942 гг. ими было прочитано около 600 лекций и опубликован в газетах ряд статей²⁴.

Успехи в области научной работы и подготовки кадров не давались даром. Они достигались ценой крайнего напряжения сил как отдельных студентов и преподавателей, так и университета в целом. На его положении и работе начинали серьезно сказываться общие неблагоприятные условия войны, в том числе и тяжелые материальные условия жизни студентов и преподавателей.

Серьезную тревогу вызывал прежде всего рост текучести и отсева. За 1941-1942 учебный год по разным причинам (переход на производство, изменение семейного положения и т.п.) оставили учебу более 500 человек, преимущественно студентов 1 и 2 курсов (с первого курса выбыло за год 201 человек, со второго и третьего - 231). К концу 1941 — 1942 учебного года на физико-математическом факультете остались 61, на химическом — 78, на историко-филологическом — 145 и на факультете журналистики — 57 студентов²⁵.

В зимнюю сессию сдававшие экзамены и зачеты, как уже отмечалось, показали высокий уровень знаний, но явка на экзамены составила немногим более 50 %²⁶. Университет, таким образом, терял перспективу готовить кадры в соответствии со своими возможностями и, тем более, с потребностями страны. Если учесть, что в 1941 — 1942 гг. имело место общее сокращение числа действующих вузов и еще большее сокращение студенческого контингента, станет очевидным, что страна могла в скором времени столкнуться с весьма острой проблемой нехватки кадров, особенно в связи с приближавшимся освобождением оккупированных территорий и восстановлением народного хозяйства.

Партия и советское правительство своевременно учли ту опасность,

какая таилась в ослаблении системы высшей школы. В начале 1942 года рядом решений и указаний ЦК КПСС и СНК СССР намечена была широкая программа мер, направленных на укрепление материальной базы вузов, на улучшение быта студентов и преподавателей и на нормализацию учебного процесса.

В феврале ведущие работники вузов и научно-исследовательских институтов были обеспечены специальным усиленным снабжением продовольствием и промтоварами, а студенты были приравнены по снабжению к рабочим, занятым в промышленности. Одновременно местным органам было предложено освободить занятые ранее учебными зданиями и общежитиями вузов и ограничить трудовые мобилизации студентов и преподавателей только участием их в уборке урожая в период каникул.

В плане реализации этих решений в городе была создана сеть закрытых столовых и магазинов, обслуживавших только или преимущественно преподавателей и студентов. При крупных вузах, в том числе при Уральском университете, создавались подсобные хозяйства. С конца 1942 года дело материального обеспечения студентов и преподавателей переходило к отделам рабочего снабжения (ОРС).

В течение 1942-1943 гг. университет постепенно «обрастает» новыми подразделениями: своей столовой, магазином, складами и тому подобное. На землях колхоза в селе Гротово (ныне Первомайское) Нижне-Сергинского района организуется подсобное хозяйство по выращиванию картофеля. Кадры для руководства этими новыми подразделениями и службами подбирались преимущественно из состава преподавателей и студентов-фронтовиков и производственников. Не все из этих начинаний оправдали себя.

Если свои столовая и магазин действительно улучшали и упрощали дело снабжения, то подсобное хозяйство приносило университету больше хлопот и убытков, чем пользы. Причина этого была простой: создание продуктивного подсобного сельскохозяйственного производства требовало крупных капиталовложений и опытных кадров. И тем, ни другим университет не располагал. Неудачи и перебои имели место в работе и других хозяйственных предприятий университета. Главной их причиной было то, что «хозяйственники от кафедр» были дилетантами в той области, какой им пришлось теперь заниматься. Но при всех недостатках, какие были в работе отдела снабжения, материальное положение студентов и преподавателей по сравнению с концом 1941 года стало во много раз лучшим.

Работа ОРСа и служб снабжения находились под постоянным

контролем партийной организации. Отчеты их периодически заслушивались на заседаниях партийного бюро или партийных собраниях. Особенное внимание уделялось организации питания и снабжения в период сессий.

Весь комплекс мер, приведенных партией и правительством по укреплению высшей школы был знаменателен во многих отношениях. Он отражал собой и сам был признаком начавшегося коренного поворота в ходе Великой Отечественной войны, завершением военной перестройки народного хозяйства и начавшегося наращивания экономической мощи Советского государства.

Меры партии и правительства по укреплению материальной базы высшей школы и подъему жизненного уровня студентов и преподавателей являлись предпосылкой нормализации учебного процесса и условием постановки новых, более сложных задач по подготовке кадров.

Во второй половине 1942 — 1943 гг. приказами и распоряжениями Комитета по делам высшей школы и НКП прежде всего постепенно восстанавливается обычный твердый внутренний распорядок работы вузов. Отменяются ничем не ограниченное свободное посещение занятий, поднимается роль экзаменационных сессий. Они стали проводиться, как и ранее, в строго установленные сроки и по твердому расписанию. Более строгими становятся правила перевода с курса на курс и из одного вуза в другой. В декабре 1942 года на всех факультетах университета восстанавливается пятилетний срок обучения. Жизнь, однако, заставила внести в это решение корректив: приказом ВКВШ от 17 апреля 1944 года пятилетний срок обучения оставался на естественных факультетах, а гуманитарные переводились на четырехлетний учебный план²⁷.

Поворот в жизни высшей школы и Уральского университета происходил в обстановке большого общественно-политического подъема. С фронтов шли все более и более радостные вести. Фашистские полчища были разгромлены под Сталинградом. Победоносное наступление Советской Армии в 1942 — 1943 году — сражение под Орлом и Курском, после которого советские армии быстро продвинулись к Днепру, не оставляли сомнения в том, что в войне наступил коренной перелом.

Коллектив университета вместе со всем советским народом с воодушевлением воспринимал известия о победах. Интерес к сводкам Совинформбюро был огромен. Содержание их старались узнать как можно раньше и точнее. В часы передач сводок с занятий или с

работы обязательно кого-либо посылали к репродукторам, чтобы быстрее получить информацию. Газеты, особенно со статьями И. Эренбурга, А. Толстого и обзорами положения на фронтах, переходили из рук в руки и зачитывались до дыр. По мере освобождения оккупированной территории становилось известным все более и более фактов о чудовищных преступлениях фашизма. Они подтверждались и конкретизировались теми вестями, какие получали студенты и преподаватели о трагической судьбе родных и близких, оставшихся на занятой врагом территории. Ненависть к оккупантам росла, росла и решимость сделать все для скорейшей победы.

Массово-политические кампании по сбору средств в фонд обороны, комплектованию подарков солдатам, подписка на заем и т.п. проходили с исключительным подъемом. В 1944 году, в частности, студенты, преподаватели и сотрудники подписались на заем на сумму более чем в 300 тыс. руб., что составляло 130 % к фонду заработной платы и стипендии; кроме того, на 67 тыс. руб. было приобретено билетов денежно-вещевой лотереи²⁸. Высокооплачиваемая категория преподавателей подписывалась обычно на заем в сумме, равной полутора-двухмесячной зарплате.

При условии значительного сокращения контингента и освобождении более широкого круга лиц от трудовых мобилизаций, коллектив университета отработал в колхозах и на стройках в 1944 году свыше 11 тыс. человеко-дней²⁹, что составляло более месяца на каждого члена коллектива и почти два месяца на трудоспособного.

Многих не удовлетворяло участие в трудовой и материальной помощи фронту. Хотелось непосредственно участвовать в освобождении Родины. В партийное бюро часто обращались преподаватели, освобожденные от призыва, с просьбой оказать содействие в добровольном вступлении в армию.

В начале 1944 года Государственный Комитет обороны решил уральцам сформировать и оснастить за счет сверхплановой продукции добровольческий танковый корпус. Желающих вступить в этот корпус было во много раз больше, чем требовалось его штатами. В Уральском университете подали заявления с просьбой считать их добровольцами-танкистами все, кто был годен к военной службе. Отбор был тщательным. Учитывались не только желание, специальность и морально-политические качества, но и интересы производственной деятельности. Чести быть принятыми в танковый корпус были удостоены в университете студенты химического факультета Д.И. КУРБАТОВ, факультета журналистики В.И. ОЧЕРЕТИН и

И.И. ПАВЛОВА.

В составе уральского танкового корпуса воевал и И.Н. ЧЕМПАЛОВ, ныне доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений исторического факультета Уральского университета. Призывался И.Н. ЧЕМПАЛОВ, правда, не непосредственно из университета, но с завода, на котором работал. И.Н. ЧЕМПАЛОВ, работая на производстве, связи с университетом не терял. Он шел на фронт добровольцем и как представитель завода, и как посланец университета. Представителем университета в танковом корпусе его можно считать и потому, что после демобилизации он вернулся непосредственно на учебу.

Несмотря на трудности учебы и быта, студенчество потянулось к самостоятельности. В 1943-1944 годах без какого-либо подталкивания создаются и активно работают несколько кружков художественной самостоятельности, литературно-творческий кружок и ряд других. В жизнь коллектива входят регулярно проводимые при высокой активности диспуты, на которых горячо обсуждались новинки литературы и произведения молодых прозаиков и поэтов университета. В 1945 году литературно-творческий кружок стал выпускать альманах «Наше творчество», который размножался в 25-30 экземплярах на машинке (выходил до конца 1947 года). В этом альманахе пробовали свои силы многие из известных позже писателей и поэтов. Среди авторов встречаем имена Н. ТОЛМАЧЕВОЙ, И. ГЕРШЕНБАУМА (известен современному читателю под псевдонимом И. ГЕРАСИМОВ), Л. ШКАВРО, В. ШУСТОВ и др.

Интересно проходили обсуждения постановок Свердловского театра и театра Красной Армии. В 1943 году в университете был создан постоянно действующий лекторий, который возглавил Л.Н. КОГАН. Программа лектория была весьма широкой. Она включала в себя лекции на темы международного и внутреннего положения СССР, по актуальным проблемам искусства и литературы, космогонии, теории относительности и т.п. В качестве лекторов выступали лучшие силы университета и города. Успеху лектория способствовали умелое руководство им со стороны Л.Н. КОГАНА, в том числе живая и остроумная по форме пропаганда значимости и интересного содержания намечавшихся лекций.

На всех факультетах и при отдельных кафедрах возникали студенческие научные кружки. На их базе к концу 1944 года в университете формируется научное студенческое общество (НСО). 8 декабря 1944 года в «Сталинце» был опубликован проект устава

НСО, в котором отмечалось, что общество «объединяет студентов, ведущих научно-исследовательскую работу или принимающих участие в популяризации и пропаганде науки»³⁰.

Новый этап в развитии высшей школы и Уральского университета, наметившийся примерно с середины 1942 года, был связан не только с улучшением материальных условий жизни студентов и преподавателей, но и с усложнением тех задач, которые жизнь ставила перед всей вузовской системой и университетским образованием в особенности.

Именно в этот период, как известно, стала вырисовываться со всей отчетливостью сущность тех сдвигов в науке и технике, которые позднее стали называть научно-технической революцией или новым этапом этой революции. Быстро росло значение фундаментальных исследований, особенно в области математики, физики и химии. Все отрасли народного хозяйства и культуры предъявляли спрос на специалистов широкого профиля, которые готовились университетами. Менялась и роль самих университетов в системе высшей школы. Они превращались в опорные центры подготовки кадров для всех вузов в области фундаментальных наук и в центры координации научных исследований в области этих наук.

В зоне Среднего Урала и Западной Сибири эта роль падала на Уральский университет, который обладал значительными предпосылками для того, чтобы ее успешно сыграть. Университет, как уже упоминалось, обладал высококвалифицированными кадрами, опытом в ведении теоретических исследований, рядом сложившихся и получивших признание научных школ и направлений в области математики, теоретической механики, физики твердого тела и элементарных частиц, коллоидной и физической химии.

В 1942 году Ученый Совет Уральского университета получает право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации. Первоначально на каждую защиту испрашивалось специальное разрешение, и лишь позднее был утвержден перечень специальностей, по которым университет мог принимать диссертации к защите.

В течение 1942–1943 годов в Ученом совете университета было защищено около 20 диссертаций, в том числе две докторские: по истории дома Строгановых А.А. ВВЕДЕНСКИМ и по математике Я.С. БАЗЫКОВИЧЕМ.

Первые защиты, особенно докторских диссертаций, были важны не только сами по себе, но и являлись хорошей школой для молодых преподавателей.

По отзывам официальных оппонентов, в роли которых выступали крупнейшие ученые страны, и по ходу дискуссии молодежь знакомилась с последними достижениями и новыми идеями в науке.

«Защита диссертации А.А. ВВЕДЕНСКИМ по истории торгового дома Строгановых в XVI—XVII веках, — вспоминает Г.А. КУЛАГИНА, выполнявшая в 1942—1943 годах обязанности секретаря Ученого Совета, — превратилась в интереснейшую научную дискуссию. Острота споров по многим положениям диссертации между автором и одними из официальных оппонентов академиком С.Г. СТРУМИЛИНЫМ, сдобриваемая меткими сравнениями, историческими аналогиями и незабываемым юмором, навсегда осталась в памяти как интереснейший научный поединок».

По отзыву Г.А. КУЛАГИНОЙ, значительными событиями явились защиты диссертаций П.А. ВОВЧЕК о языке и стиле произведений протопопа Аввакума, В.И. РОЗЕНТАЛЬ, Я.С. БАЗЫКОВИЧА и других.

В 1943 году был возобновлен в университете прием в аспирантуру. По первому набору было зачислено на все кафедры, преимущественно естественных факультетов, 22 аспиранта.

Развитие университета происходило и по линии открытия новых факультетов и кафедр. По ходатайству университета, которое было поддержано Уральским геологическим управлением и Горным институтом, в конце 1942 года было принято решение об открытии геологического факультета (в 1944 г. факультет был преобразован в геолого-географический). В феврале 1943 года был произведен в обычном порядке набор на первый курс этого факультета, а путем перевода из Горного и некоторых других вузов был скомплектован второй курс.

Геологический факультет быстро набирал силу. Своими успехами факультет во многом был обязан Уральскому геологическому управлению и Горному институту. Они выделили для факультета оборудование, помогли в его установке, и, самое главное, согласились отпустить в университет ряд видных специалистов.

Много сил отдал делу организации и налаживания работы геологического факультета бессменный его декан Р.Н. КИРЬЯНОВ — горячий сторонник идеи подготовки геологов широкого университетского профиля.

В следующем, 1944 году, был открыт биологический факультет. Открытие биологического, как и геологического факультета, отвечало назревшим интересам развития науки и подготовки кадров на Урале.

Организацию биологического факультета взял на себя профессор Г.В. ЗАБЛУДА, проработавший на посту декана и заведующего ведущей кафедрой физиологии растений до 1958 года. Кадры специалистов биологического факультета были привлечены из Уральского филиала Академии Наук (УФАН), Медицинского и Сельскохозяйственного институтов. Однако местные возможности в отношении кадров биологов были ограниченными. Факультет поэтому с самого начала взял курс на подготовку кадров собственными силами.

На новых и старых факультетах в 1942–1943 годах было создано 12 новых кафедр, при которых стали создаваться учебные и научные лаборатории и кабинеты. В связи с острой нехваткой учителей средних школ, особенно по гуманитарным дисциплинам, а также газетных работников, в 1943 году был резко увеличен в университете план приема по всем этим специальностям (по специальности история — 75 человек, филология — 125, журналистики — 125).

В начале 1945 года было восстановлено приостановившее свою работу по случаю войны заочное отделение с приемом по специальностям математики, физики, истории, русского языка и литературы. А по специальности журналистики был создан экстернат.

На пути развития университета вставали значительные трудности, которые порождались самим его развитием, с одной стороны, и с другой — теми изменениями общего порядка, какие происходили в стране на завершающем этапе войны.

В середине 1942 года до Урала и университета докатывается последняя волна эвакуированных, рожденная немецким наступлением на Сталинград. Вслед за ней почти без паузы начался процесс реэвакуации, шедший нарастающим темпом до конца 1944 года. Отлив студентов и особенно высококвалифицированных преподавателей болезненно сказывался на работе университета. Проблема кадров становится для университета одной из самых острых. К концу 1944 — 1945 учебного года на 171 штатного преподавателя и совместителя было: профессоров-докторов наук — 13, профессоров, кандидатов наук и профессоров, не имевших ученой степени — 7, доцентов, кандидатов наук — 32, кандидатов наук — 3 и доцентов без степени — 7. При этом 15 профессоров и от одной трети до половины доцентов являлись штатными совместителями. Для укомплектования штатов университету требовалось 30 профессоров и 20 доцентов³¹.

Наибольшие трудности с кадрами в связи с реэвакуацией возникли на гуманитарных факультетах и на кафедрах общественных наук. «Свои» преподаватели этих факультетов и кафедр большей частью

находились в армии. Между тем, как раз в то время, когда началась эвакуация, роль гуманитарных факультетов и кафедр общественных наук стала быстро возрастать. Значительно увеличился прием на гуманитарные факультеты, и в учебные планы всего университета стали вводиться новые общественные дисциплины а на их изучение отводилось больше часов, чем ранее.

В начале нового 1943 – 1944 учебного года ректорат и партийное бюро вынуждены были, чтобы обеспечить ведение практических занятий, привлечь на преподавательскую работу по кафедре истории партии ряд студентов старших курсов исторического факультета (В.В. АДАМОВ, В.М. КАНЮЖНЫЙ, Л.Н. КОГАН). Этому примеру последовали и некоторые другие кафедры. Недоставало не только преподавателей, но и кадров учебно-вспомогательного персонала. На всех факультетах подавляющее большинство лаборантских, препараторских и секретарских мест было заменено студентами.

Широкое использование студентов в качестве учебного и учебно-вспомогательного персонала было связано с определенными временными издержками. Но эта вынужденная мера имела и свою положительную сторону: студенты рано приобщались к педагогической и научной работе, что создавало предпосылки для быстрого их роста, воспитания самостоятельности и ответственности.

Весной 1944 года Министерство народного просвещения произвело изменения в руководстве университетом. Ректором университета был назначен доктор, профессор И.Д. СЕДНЕЦКИЙ. Министерство рекомендовало ему, ознакомившись с положением дел, в связи с приближением знаменательной даты – 25-летием ленинского Декрета об основании Уральского университета – подготовить и согласовать с местными партийными и советскими организациями план преобразования Свердловского университета в Уральский. Этот план должен был предусматривать кардинальное решение проблемы материальной базы университета и определить перспективу его развития на ближайший послевоенный период. Министерство имело предварительное принципиальное согласие со стороны правительства на принятие соответствующего постановления.

Предложение Министерства и ректората получили полное одобрение и широкую поддержку со стороны областного комитета партии. Отдел науки и учебных заведений областного комитета партии и его заведующий А.А. ШИШКИН возглавили работу по подготовке предложений о преобразовании университета.

Вопрос об укреплении материальной базы и перестройке

университета в той или иной форме соприкасался со сферой деятельности многих местных организаций и министерств. С большими трудностями, в частности, решался вопрос о новом учебном здании. Война еще продолжалась. Свердловск был перегружен эвакуированными предприятиями и учреждениями.

Старое учебное здание университета не могла быть немедленно освобождено без ущерба для обороны. Да к тому же это здание не могло уже удовлетворить потребностей университета в площади для учебной и научной работы. Областные и городские организации после рассмотрения и сопоставления многих вариантов остановились на здании бывшей школы N 11 по улице им. Куйбышева 48а, где размещался госпиталь, подлежащий расформированию.

Интенсивная работа велась и над планом развития университета и соответствующей материальной базы этого плана. В ней участвовали все факультеты и кафедры. Их предложения рассматривались на заседаниях партийного бюро, на ученом совете а затем выносились на согласование в вышестоящие организации.

В связи с производимой работой, естественно, возник интерес к истории университета. Изучение истории университета возглавил доцент кафедры истории СССР М.А. ГОРЛОВСКИЙ. Им было поднято много документов, относящихся к открытию университета в 1920 году, и опубликовано несколько статей в университетской газете «Сталинец» о деятельности университета в предвоенные и военные годы.

Подготовка плана преобразования университета явилась тем центром, вокруг которого велась вся основная воспитательная работа среди студентов и преподавателей.

К концу 1944 года предварительная работа по подготовке предложений о преобразовании Свердловского университета в Уральский была завершена. Министерство народного просвещения представило Совету Министров СССР проект постановления, которое и было утверждено в феврале 1945 года.

Постановлением Совмина Свердловский университет преобразовывался в Уральский университет им. А.М. ГОРЬКОГО. Университету передавалось, как и предлагали местные организации, под учебные занятия корпус по улице Куйбышева 48а. По своей площади он более чем в полтора раза превосходил старое здание университета.

По предварительной наметке, представленной ректоратом в Министерство народного просвещения и Комитет по делам высшей школы в виде специальной докладной записки³², основные положения

которой нашли отражение в статье ректора университета И.Д.СЕДЛЕЦКОГО, опубликованной в «Известиях»³³, в ближайшее время предполагалось открытие в университете нескольких новых факультетов, в том числе географического, философского и юридического, научно-исследовательских институтов при химическом, физико-математическом, биологическом и геологическом факультетах, обсерватории, ботанического сада, зоостанции, фундаментальной библиотеки, нескольких музеев и т.п.

Далеко не все в этом плане было реальным. Многие его положения скорее относились к области пожеланий или могли быть реализованы за более продолжительный срок, чем намечалось. Но определенную положительную роль этот план, несомненно, сыграл.

Февральское постановление Совета Министров было по своему существу рубежом, которым замыкался военный период истории университета и открывалась ее новая, послевоенная страница.

Через несколько лет после издания постановления Совета министров началось перебазирование физико-математического, геологического и гуманитарных факультетов, а также библиотеки в новое здание. Химический факультет, перемещение которого было связано с особыми трудностями, оставался на месте. Ему передавалось все здание по Ленина 136.

С большим подъемом коллектив отметил Первомайские праздники 1945 года. Накануне Первого мая в бывшем спортивном зале школы, переоборудованном силами комсомольской общественности в актовъй зал, состоялось традиционное торжественное собрание и концерт самодеятельности студентов. 2 мая организован был вечер встречи профессорско-преподавательского состава со студенческим активом. В разгар вечера получена была весть о взятии нашими войсками Берлина. Радости не было конца. Всем было очевидно, что взятие Берлина предвещало Победу в самом ближайшем будущем. И, наконец, 9 мая 1945 года день Победы настал. В 4 часа утра по местному времени было передано сообщение о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии. Весть о победе распространилась по городу с необычайно быстротой. Улицы наполнились торжествующим народом. Никто не хотел оставаться дома. Через несколько часов университет гудел от собравшихся студентов и преподавателей. В 12 часов состоялся митинг. В речах выступавших звучали чувства гордости за Родину, Советскую Армию, удовлетворение тем вкладом, какой внес университет в дело победы, вспоминались жертвы войны, давались обещания сделать все, чтобы скорее залечить раны войны,

обеспечить мир и счастье на долгие годы.

День Победы 9 мая 1945 года завершился радостным вечером самодеятельности, который шел без какой-либо заранее разработанной программы. Расходились, когда занималась заря первого мирного дня.

ПРИМЕЧАНИЯ:

* Текст подготовлен к публикации Б.Б. Овчинниковой.

¹ Протокола этого митинга не сохранилось. Поэтому трудно сейчас восстановить фамилии выступавших. Но сам факт митинга запомнился всем, кто работал или учился тогда в университете. О нем рассказывали К.А. БАРХАТОВА, С.Н. ШИМАНОВ, А.Ф. СЕСЕКИН, Я.Ф. ШАБОЛИНА, А.Г. РАХМАНОВА и многие другие.

² Письмо Е.Г. ШУЛЯКОВСКОГО от 17 апреля 1965 года И. КОМАРОВОЙ, собиравшей материалы по поручению комсомольского бюро истфака для выставки «Истфак в Великой Отечественной войне».

³ ПАСО. Ф. 283. Оп. 3. Д. 7. Л. 45. Протокол партийного собрания от 9 июля 1941 г.

⁴ отчет университета за 1940 - 1941 годы в ЦГАОР. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 412. Л. 101.

⁵ Указанная цифра носит приблизительный характер. Точно установить число призванных не представляется возможным. Многие студенты и часть преподавателей, совмещавших учебу с работой на производстве, учитывались как ушедшие в армию по месту работы, а из университета отчислились часто «как прекратившие учебу». Так было и с теми, кто призывался по месту жительства и ставил университет в известность о причинах прекращения учебы.

⁶ При разборе архива покойного Н.И. ШАТАГИНА В.ПИЛИПЕНКО обнаружила записку И.КОКОРИНОЙ, присланной ею Н.И. ШАТАГИНУ во время его лекции

⁷ Очерки истории Уральского университета, Свердловск, 1967, стр. 139, «Сталинец» от 24 июля 1943 г.

⁸ «Сталинец» от 16 марта 1945 г.

⁹ «Сталинец» от 2 января 1943 г.

¹⁰ Очерки истории Уральского университета. С. 115.

¹¹ «На Смену» от 14 февраля 1975 г.

¹² Очерки истории Уральского университета. С. 39.

¹³ Очерки истории Уральского университета. С. 39.

¹⁴ ПАСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 27. Л. 28 и 39. Протокол партийного собрания

¹⁵ ПАСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 7. Л. 64. Д. 27. Л. 27, 28.

¹⁶ ПАСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 83. Л. 50. «Сталинец» от 9 февраля 1945 г.

¹⁷ ЦГАОР. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 412. Л. 101. ПАСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 12. отчет университета за 1940-1942 гг. Протокол партийного собрания от 2 декабря 1942 г.

¹⁸ ПАСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 7. Л. 46.

¹⁹ Об участии в строительстве Алапаевского станкостроительного завода сведения были получены от О.Е. ВАЙНЕР, А.Г. РАХМАНОВОЙ, А.И. СЕРОВА, Н.Ф. СЕСЕКИНА, С.Н. ШАМАНОВА и др.

²⁰ Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1973. С. 247-248.

²¹ «Сталинец» от 5 августа 1942 г.

²² История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. С. 107.

²³ ЦГАОР. Ф. 080. Оп. 1. Д. 412. Л. 103-104. Годовой отчет отдела университетов Министерства народного просвещения

²⁴ ГАСО. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 93. Л. 25-30. ЦГАОР. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 420. Л. 14-19; Очерки истории Уральского университета. С. 39-43.

²⁵ Архив УрГУ. Фонд учебной части. Д. 69. Л. 18.

²⁶ ЦГАОР. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 412. Л. 103.

²⁷ Архив УрГУ. Д. 75. Л. 1, 81, 10. Приказы и распоряжения Комитета по делам высшей школы.

²⁸ ПАСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 33. Л. 50.

²⁹ Там же.

³⁰ «Сталинец» от 8 декабря 1944 г.

³¹ ЦГАОР. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 518 Л. 4-5.

³² ЦГАОР. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 492. Л. 1-20.

³³ «Известия» от 15 марта 1945 г.

